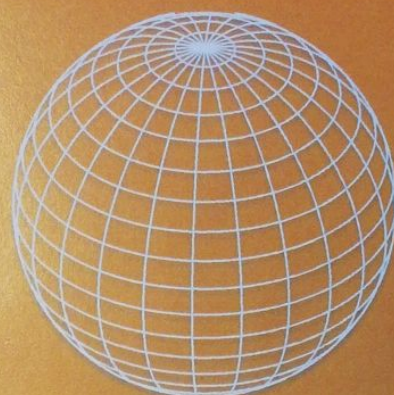

Министерство образования и науки РФ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

XII Межвузовская студенческая
научно-практическая конференция

18 ноября 2019 года

ПАЛИТРА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Санкт-Петербург
2019

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Министерство образования и науки Российской Федерации

*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования*

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ"
им. В.И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ "ЛЭТИ")

МАТЕРИАЛЫ

ХII Межвузовской научно-практической конференции

«ПАЛИТРА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР»

18 ноября 2019 года

Санкт-Петербург
2019

УДК 316.356.2
ББК с55.3л0
М34

Материалы двенадцатой межвузовской научно-практической конференции «Палитра языков и культур», г. Санкт-Петербург, 18 ноября 2019 года. 50 с.

ISBN 978-5-7629-2547-1

Организатор Форума

Кафедра иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета СПбГЭТУ
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Шелудько Виктор Николаевич (д.т.н., доцент, ректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Заместители председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна (к.т.н., декан Гуманитарного факультета);

Шумков Андрей Арнольдович (д. ф. н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков);

Шульженко Татьяна Владимировна (доцент кафедры иностранных языков, руководитель направления «Лингвистика»)

Члены оргкомитета:

Преображенская Ольга Алексеевна (к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков);
Журавлева Ольга Михайловна (к.и.н., доцент кафедры иностранных языков); **Степанова Наталия Валентиновна** (к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков), **Алексеев Евгений Сергеевна** (ассистент кафедры иностранных языков), **Сопина Александра Львовна** (ассистент кафедры иностранных языков), **Ульяницкая Любовь Александровна** (к.ф.н., ассистент кафедры иностранных языков)

ISBN 978-5-7629-2547-1

Именной указатель

Алексеевко Евгения Сергеевна	5
Бабич Янина Алексеевна, Козеличкина Галина Равильевна	7
Белич Анна Александровна	13
Беседина Елена Ивановна, Кузьмич Ирина Васильевна	15
Глыбовская Дарья Александровна	17
Дейкова Людмила Александровна	19
Журавлева Ольга Михайловна	21
Кайдалова Дарья Анатольевна.....	24
Литвинова Лариса Викторовна	27
Новожилова Александра Алексеевна	30
Пак Дмитрий Александрович	33
Теплыгина Ирина Михайловна.....	37
Тонкова Марина Михайловна	39
Шиянова Евгения Юрьевна.....	41
Шпаковская Ирина Алексеевна	43
Шумков Андрей Арнольдович	46

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»

А.П. Чехов – классик мировой литературы, создавший более 500 различных произведений. Славу драматурга принесли ему пьесы «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад», которые на протяжении более ста лет регулярно ставятся во многих театрах мира. В пьесах А.П. Чехов стремился отразить все реалии жизни, показать историческую и национальную специфику среды, передать культурные особенности жизни России начала 20-го века. Тексты произведений, наполненные национально-специфической лексикой, безэквивалентными единицами, многочисленными метафорами и фразеологизмами, сделали творчество Чехова исключительно сложным объектом перевода и интерпретации. Произведения писателя на иностранных языках постоянно переиздаются, а переводчики находятся в бесконечном поиске наилучших способов передачи всех элементов оригинала [4].

Переводы произведений на английский язык начались в 1897 году, большинство из них получило весьма печальную репутацию.

Первым переводчиком Чехова на английский язык был Р.Э.К. Лонг, он давал верное представление о сюжете и героях чеховских рассказов, но приблизительное об их стилистическом своеобразии и языковой структуре. Он допускал словарные ошибки, неточности, обилие амплификаций, упрощений и даже пропусков трудных по своей стилистике или по передаче реалий мест [6, с. 370].

С.С. Котелянский в соавторстве с Дж. М. Марри выбрали для перевода рассказы с наименьшим числом деталей национального быта, без «густого местного» колорита. Так, их перевод выполнен весьма тщательно, однако реалии несколько затушеваны: характерные русские названия заменены близкими по значению общеευропейскими: "припадок", "зала" переводится "салон" (salon), "хозяйка" - "мадам" (madame), "падшая" - "проституткой" (prostitute), "портер" превращается в "шампанское" (champagne), а "кабак" в английский public house. [6, с. 376].

Чеховские переводы К. Гарнетт в начале века вызвали множество похвал, но чеховеды 50–60-х годов доказали, что принятые переводы К. Гарнетт и других переводчиков стилистически неадекватны подлинникам и не могут служить должной иллюстрацией в серьезном исследовании [6; с. 392]. По мнению критиков тех лет, К. Гарнетт не владела сценическим диалогом и даже воздвигала "языковой барьер" между сценой и театральным залом [1; с. 7]. Вследствие этого публиковались сборники, в которых предлагались новые варианты уже переведенных рассказов Чехова. Все это были попытки воссоздать чеховскую прозу в ее стилистической неповторимости, во всем богатстве ее интонаций, с лексическим разнообразием и синтаксисом. Так, число переводов «Чайки» возросло до 17, «Вишневого сада» до 12 [6; с. 392].

Были и попытки англизации чеховских текстов. М.Фрайн, рассматривал А.П. Чехова как универсального писателя, считал, что не нужно знать ни слова по-русски чтобы перевести его пьесы: все знают, о чем пишет А.П. Чехов, и каждый догадывается, что он хотел сказать. Т. Гриффитс в предисловии к «Вишневому саду» в 1978 пишет, как трансформируются чеховские пьесы: «Чеховская жесткая, яркая сложность превратилась в приторную, удобоваримую сентиментальность. Перевод следовал за переводом, «те» идиомы заменялись «нашими», «тот» класс — «нашим» классом...» [9; с. 93-94]. Это полностью меняло «картину» произведения, его культурную ценность.

А. Ярмолинский, сделал язык персонажей более живым, естественным, приближающимся по интонации, манере, лексике и идиоматике, звучанию к языку чеховских героев.

Такого сближения удалось достичь за счет использования разговорной лексики, оборотов, идиоматики, передачи полуграмотной речи, а также использования стяженных форм вспомогательных и модальных глаголов. Однако далеко не все переводы А. Ярмолинского удачны: не всегда ему удавалось передать особый метод повествования – несобственно-прямую речь [6, с. 393-394].

Р. Хингли трудился над «Оксфордским Чеховым», получившим большое признание. Это сборник сочинений, содержащий множество комментариев, приложений, толкований, ссылок. Составители стремились использовать живой английский язык, дать стилистически верный языковой эквивалент: передать имена собственные, систему русских уменьшительных и ласкательных имен, экспрессивно-эмоциональных слов и т.п. Р. Хингли отказался от копирования русского синтаксиса, предлагая всякий раз весьма удачные адекватные русским синтаксическим структурам английские решения. Ему удастся также воссоздать несобственно-прямую речь.

Однако не все считали «Оксфордского Чехова» безупречным. Так, критик В.С. Притчет указывает, что в стремлении оживить диалог, Р. Хингли иногда теряет меру, используя просторечные формы и сленг, относящиеся к значительно более позднему, чем чеховский, периоду. К.И. Чуковский пишет, что Р. Хингли, при всем внимании к передаче просторечия и различных экспрессивно и эмоционально окрашенных форм языка, отклоняющихся от грамматической нормы, воспроизводит их далеко не всегда, и язык перевода во многом уступает подлиннику в лексическом многообразии и колоритности [6, с. 394-398].

В 80-90х гг. в Лондоне вышел однотомник "Чехов. Ранние рассказы", составленный и переведенный П. Майлзом и Г. Питчером. Переводчики следуют принципам, заявленным Р. Хингли: добиваются стилистического соответствия, используя все виды функциональных замен и уделяя особое внимание передаче несобственно-прямой речи. В диалогах они пытаются сохранить индивидуальные речевые характеристики. П. Майлз и Г. Питчер используют просторечные обороты, стяженные формы, фонетические отклонения и т.д. Их усилия вдохнуть новую жизнь в английский перевод Чехова вызвали много одобрительных откликов, хотя излишняя "модернизация" ими текста за счет американизмов, в последнее время проникших в разговорный английский язык, встретили справедливые нарекания В.С. Притчета [6; с. 398].

Из краткой истории перевода произведений Чехова видно, насколько трудно в полной мере передать все своеобразие работ писателя.

Особое место в переводческой работе составляет перевод пьес, который будет использоваться в театре. Наблюдая представление, зритель лишен возможности просмотреть комментарий, пояснение или отсылку. Отсюда и вытекает труднейшая задача переводчика: обеспечить понимание и атмосферу произведения, передать чувства и смыслы, заложенные автором в пьесу.

А.П. Чехов зачастую использует экспрессивную речь, характерной чертой которой является обилие фразеологических единиц, придающих тексту произведений живую, эмоционально-яркую окраску. При переводе фразеологизмов перед переводчиком возникает целый комплекс проблем, связанных со сложностью передачи значения и формы данных единиц.

Центральное место в описании фразеологических соответствий занимает проблема эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них являются следующие:

- 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма;
- 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа;
- 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма;
- 4) стилистический компонент значения фразеологизма;
- 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма.

В.Н. Комиссаров пишет о трех основных типах соответствий образным фразеологическим единицам оригинала. Рассмотрим, как переводчики в настоящее время справляются с передачей фразеологизмов в пьесах Чехова на примере «Вишневого сада», переведенного в 2015 году Р. Нельсоном, Р. Пивером и Л. Волохонской.

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в языке перевода имеется фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе) [2; с. 182-183].

1. «Я-то хорош, какого дурака сваял!» - «*I'm fine one, too! Made a fool of myself!*».

2. «Надо окончательно решить – время не ждет» - «*You've got to decide once and for all—time is running out*»

3. «...Я люблю его, это ясно. Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу» - «*He's a millstone around my neck, he's dragging me down with him, but I love this stone and can't live without it*»

4. «...чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило» - «*...postal clerk just said something to me that took my breath away*»

5. «Выйдя из себя» - «*Beside herself*»

6. «Скажите мне, что я пьян, не в своем уме...» - «*Tell me I'm drunk, I'm out of my mind*»

7. «Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит» - «*Here we are turning up our noses at each other, and meanwhile life is passing by*»

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в языке перевода с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма. Использование соответствий этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности при условии, что русский фразеологизм не обладает ярко выраженной национальной окраской [2; с. 183].

1. «И дело наше в шляпе» - «*and it's in the bag*»

2. «Как говорится, попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй» - «*as they say, when you run with the pack, there's no turning back*»

Третий тип соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы. Соответствия этого типа применимы лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно «прозрачен», и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение [2; с.183].

1. «Со свиным рылом в калашный ряд...» - «*A pig in the parlor*»

2. «Двадцать два несчастья...» - «*two-and-twenty Catastrophes*»

3. «У меня тоже не осталось ни копейки» - «*I also didn't have a kopeck left*».

4. «Сестра не отвыкла еще сорить деньгам» - «*My sister still has the habit of throwing money away*»

5. «Если бы бог помог» - «*If only God would help us!*»

6. «Эх, молодо-зелено» - «*Ehh, green youth!*»

В случае, если фразеологическая единица не имеет ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу, необходимо прибегнуть к описательному методу.

1. «Епиходов предложение сделал» - «*Epihodov has proposed to me*».

2. «Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть...» - «*Enough of him, it's hard for me to look at him...*»

3. «Пропадай моя телега, все четыре колеса...» - «*Really bowls me over*»

4. «Что такое, постоянно вертись перед глазами...» - «*Why are you constantly popping up in front of me...*»

5. «И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим» - «*And all the nice talk is obviously aimed at distracting attention, our own and other people's*»

6. «Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!» - «Get out of here, this very minute! Out, scoundrel!»

Таким образом, из 22 фразеологических единиц оригинального текста, в переводе «Вишневого сада» наилучшим образом (т.е. с сохранением всех компонентов семантики) переведены лишь 9. Путем калькирования передано 6 фразеологических единиц, которые в переводном тексте могут утратить как часть семантики, так и определенную стилистическую ценность. Случаев, где переводчики отказались от фразеологизмов и не смогли полностью передать форму, значение, стилистику оригинального текста 7.

Можно сделать вывод, что пьесы и другие произведения А.П. Чехова труднопереводимы и в современное время. Проанализировав фразеологические единицы в русскоязычном и англоязычном текстах, становится ясно, что в процессе перевода утрачивается примерно половина фразеологизмов, а значит, и часть значения, экспрессии и стиля произведения. Возможно ли в переводе сохранить всю ценность оригинального текста? Необходимо по-прежнему продолжать попытки перевода, искать новые способы передачи содержания и выражения, стараться не только перевести текст, но и показать культурные особенности, заложенные в произведение.

Литература

1. Виннер Т.Г. Чехов в Соединенных Штатах Америки. ЛН. Т. 68. С. 785-786.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода: (Лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.
4. Мирзабаева А. М. Переводы произведений Чехова на иностранные языки // Молодой ученый. — 2015. — №4. — С. 787-792.
5. Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
6. Паперный З.С., Полоцкая Э.А. Чехов и мировая литература// Литературное наследство. — М.: Наука, 1997. — Т. 100. — кн. 1. — 639 с.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель, АСТ. 2008.
8. Чехов А.П. Вишневый сад. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 13. М., "Наука", 1986.
9. Basnett, Susan. Constructing cultures: Essays on literary translation/ Susan Basnett and Andre Lefevere. Topics in translation: 11. — Cromwell Press, 1998. — 143 p.
10. Cambridge Dictionary // URL <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
11. Chekhov A. The Cherry Orchard, translated from the Russian by Richard Nelson, Richard Pevear, Larissa Vo-lokhonsky. Theatre Communication Group, New York, 2015.

Пак Дмитрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

СИМВОЛИЗМ ЯПОНСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В настоящее время семиотика представляет собой довольно развитую теорию, методы которой позволяют анализировать разнообразные сферы человеческой деятельности.

Н.Б. Мечковская характеризует «термин семиотика помимо значения “наука о знаках и знаковых системах” метонимически употребляется также в значении “знаковая система” (например, биологические семиотики, семиотика бессознательного, ритуальная семиотика, семиотика сцены, картографическая семиотика, искусственные семиотики и т.п.)» [4; с. 6].

Семиотика не ограничивается анализом каких-либо отдельных видов знаковых ситуаций и языков, но также рассматривает знаковые ситуации и языки человечества.

На примере японского театра, в жанре Но и Кабуки, можно рассмотреть знаковые компоненты такие как: маски и танцы, которые использовались еще в добуддийских представлениях.